СТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА : В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1856-1863)

Petr ĉerkasov

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/8987>

DOI : 10.4000/monderusse.8987

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 15 janvier 2007

Pagination : 109-136

ISBN : 978-2-7132-2146-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Petr ĉerkasov, « Стмена крепостного права : В освещении французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1856-1863) », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 48/1 | 2007, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8987> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8987>

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_481&ID_ARTICLE=CMR_481_0109

Стмена крепостного права : В освещении французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1856-1863)

Petr Cherkasov

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2007/1 - Vol 48

ISSN 1252-6576 | ISBN 9782713221460 | pages 109 à 136

Pour citer cet article :

Cahiers du monde russe 2007/1, Vol 48, p. 109-136.
Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ПЕТР ЧЕРКАСОВ

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

В освещении французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1856 – 1863 гг.)*

Подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г. в России, стержнем которой была ликвидация крепостного права, достаточно хорошо изучены в российской и зарубежной историографии¹. В гораздо меньшей степени освещен в литературе вопрос о том, как оценивали эту реформу ее

* По фондам Архива МИД Франции.

1. См.: П. А. Зайончковский, «Советская историография реформы 1861 г.», *Вопросы истории*, 1961, № 2; Л. Г. Захарова, «Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г.», *История СССР*, 1976, № 4; Л. Г. Захарова, Л. Р. Горланов, А. Т. Топчий сост., *Отмена крепостного права в России. Указатель литературы (1856-1989)*, Томск, 1993; Б. Г. Литвак, «Советская историография реформы 19 февраля 1861 г.», *История СССР*, 1960, № 6; А. В. Павловская, *Крестьянская реформа 1861 года в России в освещении английской и американской исторической литературы*, диссерт. на соискание ученой степени канд. ист. Наук, М.: Историч. фак-т МГУ, 1991.

См. также: О. Н. Бурдина, *Крестьяне-дарственники в России 1861-1907*, М., 1996; *Великая реформа*, т. 1-6. М., 1911; *Великие реформы в России. 1856-1874*, под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Д. Бушнелла, М., 1992; Г. А. Джаншиев, *Эпоха великих реформ*, 10-е изд., СПб., 1907; М. Д. Долбилов, «Александр II и отмена крепостного права», *Вопросы истории*, 1998, № 10; Н. М. Дружинин, *Русская деревня на переломе. 1861-1880*, М., 1978; П. А. Зайончковский, *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.*, М., 1958; Л. Г. Захарова, *Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861*, М., 1984; И. Иванов. *Падение крепостного права в России*, 2-е изд., СПб., 1903; А. А. Корнилов, *Крестьянская реформа*, СПб., 1905; И. И. Костюшко, *Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. Сравнительный очерк*, М., 1994; Б. Г. Литвак, *Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861-1895*, М., 1972; его же, *Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива*, М., 1991; *Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссии по крестьянскому делу Н.П. Семенова*, т. 1-3, СПб, 1889-1892; Е. В. Сапилов, *Крестьянская реформа в России 1861-1866 гг. (Забывшие фрагменты)*, М., 1998; А. Скребицкий, *Крестьянское дело в царствование императора Александра II*, т. 1-4. Бонн-на-Рейне, 1862-1868; D. Field, *The End of Serfdom*, Harvard, 1976; P. Scheibert, *Die russische Agrarreform von 1861. Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung*, Köln-Wien, 1973.

Cahiers du Monde russe, 48/1, Janvier-mars 2007, p. 109-136.

зарубежные современники. По понятным причинам, наиболее осведомленными в этом отношении иностранцами были дипломаты из европейских стран, представленные при дворе Александра II. Они внимательно и заинтересованно следили за инициированным Царем-Освободителем процессом модернизации тысячелетней русской монархии. Дипломатам принадлежали и первые оценки проводившихся в России реформ, прежде всего крестьянской. Эти оценки, содержащиеся в их донесениях правительствам своих стран, наряду с материалами, публиковавшимися на страницах европейских газет и журналов, формировали международное общественное мнение в отношении александровских преобразований. Они представляют очевидный интерес для исследователя, как самые первые свидетельства реакции «европейского сознания» на одно из важнейших исторических событий в истории России.

В настоящей статье предпринята попытка – проследить на основе изучения хранящихся в Архиве МИД Франции донесений французских дипломатов из С.-Петербурга в Париж их непосредственную реакцию на подготовку и проведение крестьянской реформы в России. Хронологические рамки данного исследования охватывают шестилетний период – с 1856 года, когда Александр II впервые публично заявил о своих намерениях покончить с крепостным правом, до марта 1863 года, когда французские дипломаты подвели предварительные итоги двух лет реализации крестьянской реформы. В ходе работы автора в Архиве МИД Франции им было изучено три документальных фонда.

Наибольшую ценность в предпринятом исследовании представляет фонд «Correspondance politique. Russie» («Политическая корреспонденция. Россия»). В нем представлена дипломатическая переписка французского посольства в Петербурге с МИД Франции. В фонде собраны донесения, иной раз ежедневные, французского посла (или поверенного в делах) министру иностранных дел о текущем положении дел в России, ее внутренней и внешней политике. Значительное место в дипломатических донесениях занимает освещение подготовки и реализации крестьянской реформы.

Второй из использованных фондов – «Mémoires et Documents» («Мемуары и Документы») – представляет собой коллекцию информационно-аналитических записок, докладов и отчетов, составленных для МИД французскими дипломатами. В этих материалах содержатся обобщающие сведения политического и экономического характера, отражающие ситуацию в России. Здесь, в частности, можно встретить аналитические записки о состоянии аграрного сектора российской экономики как в предреформенный, так и в пореформенный периоды.

Третий из привлеченных автором фондов – «Personnel» («Личный состав») – это персональные служебные досье французских дипломатов. В

этих досье можно найти биографические сведения о тех из них, кто работал в составе посольства Франции в Петербурге в 50-60-е гг. XIX в.

Извлечения и цитаты из донесений и других документов, составленных французскими дипломатами, даются на языке оригинала. В отдельных случаях автор при цитировании делает уточнения и смысловые дополнения, выделяя их квадратными скобками.

* * *

Во Франции с давних пор существовала устойчивая неприязнь к сохранявшимся в Российской империи до середины XIX в. проявлениям «азиатского деспотизма». Одним из наиболее очевидных свидетельств «патриархального варварства русских», по мнению французов, была крепостная зависимость десятков миллионов крестьян. По этой и другим причинам многие во Франции не склонны были считать Россию полноценным европейским государством².

Просвещенные правители России, безусловно, сознавали несоответствие крепостничества реалиям XVIII-XIX вв. Над необходимостью смягчения крепостного права размышляла еще «ученица Вольтера», когда составляла первый вариант знаменитого «Наказа», что, впрочем, не помешало императрице за тридцать четыре года царствования раздать своим фаворитам, сановникам, военачальникам и другим лицам до 800 тыс. государственных крестьян. О реформе крепостнической системы думали и два ее внука – Александр I и Николай I. «Земли, – говорил последний, считавшийся ярым крепостником, – принадлежат нам, дворянам, по праву,

2. Для примера можно привести два свидетельства, принадлежащие французским дипломатам – барону де Баранту и генералу де Кастельбажаку. В разное время они возглавляли посольство Франции в Санкт-Петербурге и по этой причине считались у себя на родине знатоками России. Вот как характеризовал страну своего пребывания Барант в одном из донесений министру иностранных дел графу де Моле: «Cette administration et les lois qui la régissent ne doivent pas être comparés avec nos États Européens. Il faut les examiner en regard de la population Russe et du théâtre où elles ont à exercer leur action. Tout y est et y a toujours été si différent de l'Occident, que nous nous tromperions beaucoup en jugeant d'après nos habitudes et nos idées», Archives des Affaires Étrangères. (Далее везде: ААЕ. – П.Ч.) Correspondance politique, Russie, vol. 193, fol. 276 recto verso, *Барант – Моле, 22 февраля 1838 г.*

А вот мнение Кастельбажака, высказанное спустя пятнадцать лет уже другому министру иностранных дел Франции: «Je Vous ai dit également, dans mes dernières communications, – писал Кастельбажак, – que la Russie n'était pas logique. Rien, en effet n'est logique dans cet Empire, ni le peuple, ni la noblesse, ni le clergé, ni le gouvernement, ni le souverain même: on ne peut pas la juger d'après les règles morales de notre civilisation occidentale... [...] Chez les Russes, habitués au despotisme patriarcal et aux mœurs de l'Orient, c'est tout le contraire: les règles administratives, les mœurs de l'Occident, le sentiment moral du juste et de l'injuste n'ont encore exercé sur eux qu'une faible influence, et, pour eux, l'homme est tout, les lois n'ont d'autre empire que celui de la force. [...] L'avenir de ce peuple de 60 millions d'âmes, énergique et intelligent, ignorant, léger, fataliste, superstitieux, sans principes moraux, est effrayant pour lui-même et pour l'Europe. *Ibid.*, vol. 210, fol. 119 verso – 122 verso, *Кастельбажак – Друину де Люи, 18 октября 1853 г.*

потому что мы приобрели их нашей кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе – как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой»³.

Можно с уверенностью предположить, что Николай I всерьез намеревался «уничтожить крепостное состояние в России». В беседе с одним из своих ближайших сотрудников П. Д. Киселевым⁴ император признавался еще в конце 20-х гг.:

Я хочу отпустить крестьян с землей, но так, чтобы крестьянин не стал отлучаться из деревни без спросу барина или управляющего: дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей: крестьянин должен работать на барина три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли, и надобно выплатить в несколько лет, земля будет его⁵.

Только за четырнадцать лет – с 1835 по 1848 гг. – над разрешением наболевшего «аграрного вопроса» трудились девять секретных комитетов, учрежденных по указанию Николая I. Тем не менее, вопрос так и не был решен, а после революционной волны, прокатившейся по Европе в 1848 г., он был отложен, как не своевременный. Начавшаяся в 1853 г. Крымская война отвлекла от него внимание императора и общества.

Можно указать на две основные причины, по которым Николай I так и не решился на отмену крепостного права. Во-первых, он всерьез опасался, что освобождение крестьян чревато дестабилизацией общества и государства. Ужасные воспоминания о пугачевщине всегда были живы в сознании нескольких поколений Романовых. Во-вторых, отмена крепостного права, по мнению Николая I, содержала в себе угрозу для материального положения дворянства – самой надежной опоры российской монархии. Царь не мог себе даже представить перспективу и последствия разорения дворянства. И все же с момента вступления на престол, сопровождавшегося восстанием декабристов, выступавших за отмену крепостного права, его постоянно преследовали мысли о необходимости решения крестьянского вопроса.

3. Цит. по: Г. Джаншиев, *Эпоха великих реформ*, М., 1898, с. 12.

4. Граф Павел Дмитриевич Киселев (1788-1872 гг.), видный военачальник, гражданский администратор и дипломат, был убежденным сторонником отмены крепостного права, оказывавшим заметное влияние на Николая I в подходе к злополучному крестьянскому вопросу. С именем Киселева связано проведение в 1837-41 гг. реформы управления государственными крестьянами, которую сам Киселев рассматривал как первый шаг к широкомасштабной крестьянской реформе. О подготовке и проведении «реформы Киселева» см.: Н. М. Дружинин, *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*. Т. 1-2, М.-Л., 1946-1958; С. В. Мироненко, *Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия*, М., 1990, с. 100-195.

5. Цит. по: А. О. Смирнова-Россет, *Дневник. Воспоминания*, М., 1989, с. 172.

Филантропические намерения русского самодержца, державшиеся в строгом секрете (прежде всего от многомиллионной крестьянской массы), были хорошо известны иностранным дипломатам в Санкт-Петербурге. Об этом, в частности, свидетельствует, служебная переписка французского посольства с Министерством иностранных дел Франции, ознакомиться с которой автору настоящей статьи довелось в Париже.

О настроениях Николая I в пользу освобождения крестьян неоднократно писал в Париж и упоминавшийся выше посол барон де Барант, служивший в Петербурге в 1835-1841 гг., и поверенный в делах Казимир Перье (1841 – 1842 гг.)⁶. Сменивший Перье в должности временного поверенного в делах Франции д'Андре в одном из донесений министру иностранных дел Франсуа Гизо обращал внимание последнего на рескрипт императора с выражением благодарности графу Воронцову за освобождение им 500 крепостных крестьян, проживающих на его землях в окрестностях Петербурга. «Ce rescrit – подчеркивал французский дипломат, – qui prouve que l'Empereur n'abandonne point la pensée de l'émancipation des serfs...». В то же время, как заметил д'Андре, рескрипт «a causé de l'émoi parmi la noblesse de St.-Pétersbourg»⁷. О дворянской оппозиции планам ликвидации крепостного права французские дипломаты будут сообщать и в последующих своих донесениях в Париж.

Историческая миссия освободителя крестьян выпала на долю Александра II, полностью отдававшего себе отчет в крайней сложности и даже опасности (для сохранения спокойствия в империи) начатой им реформы. Вскоре после вступления на престол молодой император признался графу П. Д. Киселеву, активному поборнику освобождения крестьян: «Крестьянский вопрос меня постоянно занимает. Надо довести его до конца. Я более чем когда-либо решился, и никого не имею, кто бы мне в этом важном и неотложном деле помог»⁸.

О своих намерениях Александр II впервые публично заявил 30 марта 1856 г. в Москве, на встрече с представителями московского дворянства.

[...] Сами вы знаете, – говорил он, – что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно, само собою, начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображения»⁹.

Император надеялся, что дворянство само иницирует «снизу» проведение крестьянской реформы, но он ошибся в своих ожиданиях. Дворянство

6. См. ААЕ, Correspondance politique, Russie, vol. 198.

7. *Ibid.*, vol. 199, fol. 137 verso – 138 recto, Д'Андре – Гизо, 28 августа 1843 г.

8. Цит. по: Три века. Россия от смуты до нашего времени, т. VI, СПб., 1913, с. 105.

9. С. Татищев, «Александр II», *Русский биографический словарь*, т. I, СПб., 1896. Репр. воспр., М., 1992, с. 523.

раскололось в своем отношении к задуманной Александром реформе. Консервативно настроенная часть дворянства настороженно, если не сказать враждебно, отнеслось к намерениям молодого императора и не спешило с составлением соответствующих « адресов » на высочайшее имя¹⁰. Даже на коронационных торжествах, проходивших в Москве в августе-сентябре 1856 г. губернаторы и губернские предводители дворянства отмолчались, к нескрываемой досаде Александра II. Один лишь виленский генерал-губернатор В. И. Назимов, друг юности царя, пообещал ему уговорить дворян вверенных его попечению Виленской, Гродненской и Ковенской губерний просить государя об отмене крепостного права.

В ожидании всеподданнейших адресов Александр II 3 января 1857 г. учредил очередной, десятый по счету, Секретный комитет « для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян », включив в него лиц, по его мнению, « убежденных в необходимости идти к новому порядку »¹¹.

Обещанный Назимовым всеподданнейший адрес был получен в Зимнем дворце в октябре 1857 г., а уже 20 ноября, после его рассмотрения в Секретном комитете, император подписал и разослал всем губернаторам рескрипт (формально он был адресован В. И. Назимову) с изложением правительственной программы намеченной крестьянской реформы. Одновременно текст рескрипта был опубликован в российской и иностранной печати. Делу, таким образом, была придана широкая гласность. В феврале 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, отделения которого вскоре появились в 46 губерниях Российской империи. Вслед за Назимовым с составлением всеподданнейших адресов поспешили и другие начальники губерний. Крестьянская реформа вступала, наконец, в рабочую стадию.

За тем, как проходила подготовительная работа в этом направлении, внимательно следили иностранные дипломаты, аккредитованные в Санкт-Петербурге.

* * *

Французское посольство не было здесь исключением, хотя подключилось к « мониторингу » с некоторым опозданием. Дело в том, что с конца марта 1854 г. из-за Крымской войны дипломатические отношения между Россией и Францией были прерваны. Решение об их восстановлении было принято лишь в марте 1856 г. на Парижском мирном конгрессе, положившим конец войне. До назначения посла временным официальным представителем России

10. Об отношении консервативно настроенной части дворянства к подготовке крестьянской реформы см. подробно: И. А. Христофоров, *Аристократическая оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг.*, М., 2002, гл. I.

11. См. Л. М. Ляшенко, *Царь – Освободитель. Жизнь и деяния Александра II*, М., 1994, с. 62-63.

во Франции в апреле 1856 г. стал барон Ф. И. Бруннов, второй российский уполномоченный на Парижском мирном конгрессе¹². Исполняющим обязанности временного поверенного в делах Франции при петербургском дворе 30 апреля 1856 г. был назначен Шарль Бодэн, занимавший до этого должность 1-го секретаря французского посольства в Лондоне¹³.

Бодэн прибыл в Россию в самом начале июля 1856 г., а его первая депеша из Петербурга датирована 10 июля. Французский дипломат быстро сориентировался в новой обстановке и, занимаясь подготовкой приезда посла из Парижа, одновременно внимательно следил за развитием ситуации в России. Прогнозируя снижение активности России в европейской политике в результате поражения в последней войне, Ш. Бодэн пришел к выводу, что:

[...] À l'intérieur on s'occuperait plus qu'on a fait jusqu'ici de questions administratives, sociales même en améliorant diverses branches des services publiques, en ouvrant à la production du sol et de l'industrie Russes, par l'établissement de voies de communication les débouchés qui lui manquent peut-être même en examinant, avec les plus grands ménagements les études qui se rattachent à la transformation du servage¹⁴.

Скорее всего, в июле 1856 г. Бодэн еще не был в курсе подготовительной работы, инициированной Александром II по «улучшению быта» крепостных крестьян. Чуть позже он в должной мере оценит все значение задуманной молодым императором крестьянской реформы. В Архиве МИД Франции сохранилась его записка под названием «Несколько слов о рабстве в России». Она не имеет точной датировки, указан только год ее составления – 1856-й, т.е. написана она еще до учреждения Александром II 10-го Секретного комитета по крестьянскому вопросу и до появления упоминавшегося адреса дворянства северо-западных губерний. Тем не менее, проницательный французский дипломат уже тогда не усомнился в твердом намерении русского императора покончить с крепостным правом, и всячески приветствовал это благородное намерение.

Ce n'est pas trop dire, - подчеркивал автор записки, - qu'elle sera [отмена крепостного права] plus honorable pour le souverain qui l'accomplira et plus utile à ses peuples que n'eut pu l'être toute tentative de conquête du côté de Constantinople. [...] Il est certain, - продолжал французский дипломат, - que le jour où l'Empereur Alexandre II entreprendra des réformes intérieures dans son empire et surtout celle qui touché au sort de tant de millions d'hommes non seulement il rencontrera partout en Europe les plus sincères sympathies

12. Е. В. Белевич, С. Л. Турилова, Г. Б. Шумова, *Русские (и советские) дипломатические представители во Франции 1702 – 1995 гг., Россия и Франция XVIII – XX века*, отв. ред. П. Черкасов, вып. 1, М., 1995, с. 357.

13. ААЕ, Personnel, 1re série, n° 269, fol. 6.

14. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 212, fol. 24 recto verso, Бодэн – Валуевскому, 10 июля 1856 г.

mais il offrira à la paix le plus noble tribut comme aussi le gage le plus rassurant et le plus durable¹⁵.

Прибывший в Петербург 6 августа 1856 г. чрезвычайный и полномочный посол Франции Шарль-Огюст-Луи Жозеф, граф де Морни не обнаружил столь пристального интереса к внутренним проблемам России, как его соотечественник Шарль Бодэн. У сводного брата Наполеона III¹⁶ была другая, более важная, как он считал, миссия – закрепить наметившееся еще на Парижском мирном конгрессе сближение между Францией и Россией путем подписания двустороннего политического союза и торгового договора. Формально граф де Морни прибыл на коронацию императора Александра II как личный представитель императора французов, и его миссия не предполагала продолжительного пребывания в России. Затянувшиеся переговоры с министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым, а также неожиданно возникшие личные дела¹⁷ побудили посла Франции продлить свое пребывание в России до конца июня 1857 г. Хотя главной своей цели – заключить политический союз и торговый договор с Россией – Морни достичь так и не удалось, тем не менее, его миссия, безусловно, способствовала закреплению тенденции к сближению и сотрудничеству двух стран¹⁸. Именно так оценил усилия графа Морни Александр II, наградивший французского посла орденом св. Андрея Первозванного, высшим знаком отличия Российской империи. Ни один из иностранных послов, прибывших на коронацию императора, не удостоился столь высокой чести.

С отъездом Морни Шарль Бодэн возобновил исполнение обязанностей временного поверенного в делах при дворе Александра II. Он по-прежнему живо интересовался подготовкой крестьянской реформы, обсуждение которой велось в Секретном комитете. Бодэн старался получить хоть какую-то информацию о проходивших там обсуждениях, но члены комитета были предупреждены царем о необходимости сохранения полной конфиденциальности в работе, и потому были предельно сдержанны. Французскому дипломату не оставалось ничего другого, как самостоятельно изучать наболевший крестьянский вопрос, выясняя настроения крестьян – барщинных и оброчных, – а также помещиков в связи с готовящейся

15. « Quelques mots sur le Servage en Russie », AAE, Mémoires et Documents. Russie, vol. 44, fol. 304 recto verso, 318 verso-319 recto.

16. Морни был побочным сыном падчерицы Наполеона I, бывшей голландской королевы Гортензии Богарне (супруги Луи Бонапарта) от ее шталмейстера графа Флаго. Он был усыновлен бездетным графом де Морни.

17. 45-летний Морни встретил в Петербурге свою будущую жену, 18-летнюю княжну Софью Трубецкую, с которой, вопреки запрету Наполеона III, он обвенчался 7 января 1857 г. в храме св. Екатерины в Москве.

18. О Морни и его посольской миссии в Россию см.: Michel Carmona, *Morny, le vice-empereur*, Paris, 2005, p. 279-318.

реформой. Свои наблюдения и выводы он излагал в секретных депешах, направляемых в Париж.

Из донесения Ш. Бодэна министру иностранных дел графу А. Валуевскому от 2 октября 1857 г.:

[...]Depuis l'avènement de l'Empereur Alexandre II et plus particulièrement encore depuis son couronnement, le bruit s'est répandu en Russie de la prochaine émancipation des paysans. On attribue généralement à l'Empereur le désir et l'intention d'accomplir ce grand acte; on sait qu'une commission étudie les moyens d'opérer sans secousse et en tenant compte de tous les intérêts la transformation dont il s'agit. [...]

Il est certain que l'attente est générale. Si parmi les paysans, elle existe surtout chez ceux dont les Seigneurs sont durs, exigeant, et du moins font administrer leurs biens par des intendants qui abusent de leur autorité; comme il n'y en a en Russie – qu'un trop grand nombre, d'un autre côté les propriétaires humains et éclairés ne la désirent pas moins parce qu'ils comptent retirer de leurs terres cultivées par le travail libre, un revenu beaucoup plus considérable que celui qu'ils tirent soit des redevances fixes payées actuellement par les serfs, soit de la corvée.

De leurs côtés, tous les serfs, surtout ceux des campagnes ne désirent pas au même degré la liberté. Nés élevés sur la terre qu'ils cultivent, ils se sont habitués à la considérer comme leur appartenant, quoiqu'ils sachent fort bien qu'ils peuvent du jour au lendemain, être vendus avec elle. Mais tout en payant une redevance au Seigneur, ils le considèrent comme leur protecteur obligé; ils comptent sur lui pour les aider, pour les nourrir dans les années de détresse ou de disette, pour les secourir dans leurs maladies, pour les défendre contre les abus d'autorité des fonctionnaires locaux; et on pourrait citer de nombreux exemples de paysans refusant en masse la liberté que l'humanité ou l'intérêt portait les propriétaires à leur offrir ou se cotisant pour aider à sortir d'un embarras pécuniaire un propriétaire dont ils avaient à se louer et que les circonstances obligeaient à vendre sa terre.

Malheureusement, à côté de ces exemples, il en est un beaucoup plus grand nombre de tyrannie des propriétaires, surtout de ceux dont les biens ont peu d'étendue, d'exactions, d'actes d'arbitraire et de cruauté des intendants. Le paysan Russe est patient, mais poussé à bout, il se réveille et devient terrible. Sa vengeance est d'autant plus acharnée qu'elle s'exerce avec le sang froid du désespoir et la liste serait longue des propriétaires et des intendants massacrés, brouillés dans leurs maisons, à la campagne et jusque dans Pétersbourg même, par des serfs révoltés et à qui l'abus d'une autorité presque sous bornes a enseigné l'aspiration vers la liberté. [...]¹⁹.

В это время у Бодэна, судя по его донесениям в Париж, начинают появляться сомнения относительно успешного завершения задуманной императором крестьянской реформы. «...la Russie entière est dans l'attente, - писал он в депеше, датированной 5 ноября 1857 г. – Elle se sent à la veille d'une transformation complète qui peut en fin de compte développer et assurer sa

19. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 215, fol. 89 verso – 93 verso, Бодэн – Валуевскому, 2 октября 1857 г.

grandeur, qui peut tout aussi bien plonger pour longtemps le pays dans les plus terribles épreuves »²⁰.

Что имел в виду французский дипломат, говоря о возможности « ужасных испытаний » для России в случае отмены крепостного права?

Судя по всему, сомнения появились у него под влиянием затянувшейся паузы после встречи императора с представителями московского дворянства. Единственным событием за истекшие с той поры семь месяцев стал « адрес » дворянства трех северо-западных губерний. Дворянство остальных губерний продолжало отмалчиваться, в то время как в настроениях крестьянской массы стала ощущаться некоторая напряженность. Какими-то неведомыми путями намерение царя освободить крепостных становилось известно последним, начавшим проявлять нетерпение и беспокойство. В условиях, когда дворянство затаилось, а правительство не предпринимало дальнейших шагов в деле освобождения крепостных, обозначившиеся настроения последних были чреваты бунтом. Таков был ход мыслей Бодэна, недоумевавшего по поводу бездействия, безусловно, добродетельного и человеколюбивого, но, как ему стало казаться, недостаточно волевого и решительного императора. Возникшими у него сомнениями и опасениями дипломат посчитал нужным поделиться со своим парижским начальством.

Из донесения Ш. Бодэна графу Валуевскому от 5 ноября 1857 г.:

[...] Le caractère de l'Empereur Alexandre II n'est pas sans présenter quelques analogies avec celui du Roi Louis XVI. Il a le même bonté, la même honnêteté, les mêmes intentions genereuses; il a aussi la même absence d'énergie. On peut, je crois, en continuant le rapprochement, dire sans se tromper que *la Russie en est arrivée à son année 1787. Que Dieu la préserve d'un 93!* (выделено мною.- П.Ч.)²¹.

Je connais ici des gens qui en prévoient, qui en annoncent l'éventualité et qui rappellent avec effroi des exemples terribles de la férocité du paysan Russe tiré de son indolence habituelle. Je sais des propriétaires qui ont récemment engagé tous leurs biens pour en placer la valeur à l'étranger. Je relate ici ces terreurs, sans prétendre les justifier. Mais quelles que soient les destinées qui se préparent pour ce pays-ci, je me permettrai, M. le Comte, de tirer une conclusion générale de l'exposé qui précède et pour lequel je sollicite Votre indulgence²² [...].

Бодэн укрепляется в своем ранее сделанном выводе о том, что в любом случае « la Russie est peut-être sur le point d'entrer pour plusieurs années dans une ère de préoccupations intérieures et domestiques qui seraient de nature à

20. *Ibid.*, fol. 161 verso-162 recto, Бодэн – Валуевскому, 5 ноября 1857 г.

21. Ш. Бодэн говорит о предреволюционном кризисе во Франции и попытке разрешить его путем созыва в 1787 г. Ассамблеи нотаблей, представительного органа трех сословий. Как известно, кризис не был преодолен и в 1789 г. перерос в революцию. Когда Бодэн вспоминает 1793 г., он имеет в виду установление во Франции якобинской диктатуры и сопутствовавшего ей массового террора. – П.Ч.

22. *Ibid.*, fol. 162 recto verso, Бодэн – Валуевскому, 5 ноября 1857 г.

l'absorber assez complètement au dedans pour que durant cette crise, les Gouvernemens étrangers n'eussent pas à s'inquiéter beaucoup de l'action de la politique Russe à l'extérieur». Правда, Бодэн тут же поспешил скорректировать свой же собственный вывод. « Mais je ne hasarde cette opinion que sous toutes réserves, - отметил он в своем донесении. - Ce n'est pas après un peu plus d'un an de séjour dans un pays aussi difficile à connaître que je puis me flatter d'être en état de pronostiquer à coup sûr l'avenir qui attend la Russie »²³.

1 декабря 1857 г. в Петербург прибыл поверенный в делах Франции маркиз де Шаторенар, которому Бодэн передал руководство дипломатической миссией и ввел его в курс текущих дел. Шаторенар, со своей стороны, сообщил Бодэну, что в Париже принято, наконец, решение о направлении ко двору Александра II постоянного посла – герцога де Монтебелло, который должен приступить к своим обязанностям предстоящей весной. В ожидании его прибытия французские дипломаты продолжали внимательно следить за развитием событий в России. Судя по их содержанию, первые депеши Шаторенара из Петербурга, – по крайней мере, те, где рассматривался ход крестьянской реформы, – были составлены Бодэном, который вскоре получил новое назначение с повышением – полномочным министром в Кассель.

Тем временем с наступлением нового, 1858 года, продвижение реформы несколько оживилось. Стал проясняться и расклад сил – сторонников и противников освобождения крестьян. Вот что писал по этому поводу маркиз Шаторенар в депеше графу Валуевскому:

[...] Trois partis se sont nettement dessinés à cette occasion: le parti rétrograde qui ne veut pas entendre parler de l'abolition du servage, et désire le maintien du statu quo; le parti modéré qui veut des reformes paisibles et pacifiques, et approuve les mesures actuelles; le parti avancé, qui veut tout remanier, et vaudrait se servir de l'émancipation des paysans pour arriver à un Gouvernement Constitutionnel.

Il semble que les membres du parti rétrograde ne seraient pas éloignés d'adopter soit par dépit, soit par espoir d'effrayer le Gouvernement, le programme du parti avancé: plusieurs d'entre eux disent assez hautement, que puisque le Gouvernement est entré dans la voie de l'émancipation, il devrait commencer par émanciper la noblesse elle-même et lui donner des droits politiques en compensation des pertes matérielles qu'elle va avoir à supporter.

[...] Cet esprit d'opposition, commun aux exaltés et aux rétrogrades doit, m'assure-t-on, se manifester à la réunion qui aura lieu pour les élections [предводителя петербургского дворянства]. Les mécontents ont formé le projet d'attaquer violemment du maréchal actuel de la noblesse du Gouvernement de Pétersbourg, le Cte Chouvaloff, en lui reprochant agi sans les consulter lorsqu'il a demandé à l'Empereur l'application à la province de Pétersbourg des mesures relatives à l'affranchissement des serfs; ils espèrent l'amener à donner sa démission... [...]

23. *Ibid.*, fol. 163 recto recto, Бодэн – Валуевскому, 5 ноября 1857 г.

Les mêmes tendances se montrent avec plus de violence encore à Moscou, et c'est l'opposition de la noblesse qui a empêché, jusqu'à ce jour, l'application à ce Gouvernement du rescrit imperial. Le Gouvernement, toutefois ne parait pas tenir grand compte de cette opposition, il vient encore d'étendre la mesure de l'abolition du servage à la province de Nidjni-Novgorod, sur la demande, assure-t-on, d'un très petit nombre de membres de la noblesse [...]²⁴.

Как уже говорилось, после появления адреса, составленного под нажимом Назимова прибалтийским дворянством, и ответного высочайшего рескрипта²⁵, дворяне других российских губерний были поставлены перед необходимостью – безотлагательно определиться (разумеется, положительно) в отношении намерений царя. Первым из губернаторов, кто оказал соответствующее прямое давление на дворянство, был петербургский генерал-губернатор граф П. Н. Игнатьев, которого поддержал губернский предводитель дворянства граф П. П. Шувалов.

Вынужденная инициатива губернского начальства вызвала открытое недовольство консервативно настроенной части дворян, которые решили воспользоваться предстоящим съездом по выборам предводителя, для того чтобы сместить графа Шувалова с занимаемого им поста. По мнению недовольных, он не защищал должным образом интересы своего сословия. Именно об этом и писал Шаторенар в донесении в Париж. Забегая вперед, можно отметить, что намерения противников Шувалова не были реализованы. Он не только сохранил за собой пост губернского предводителя дворянства, но и возглавил всю работу по проведению реформы в Петербургской губернии. При этом он проявил себя отнюдь не как прогрессист, а как убежденный консерватор.

Шаторенар правильно оценил в своей депеше от 11 января оппозиционные настроения московского дворянства, которое и в дальнейшем будет досаждать императору. В Москве противники отмены крепостного права имели весьма влиятельного союзника в лице самого генерал-губернатора графа А. А. Закревского, не принимавшего готовившуюся реформу. Плохо скрываемое нежелание способствовать планам императора будет стоить Закревскому его поста. В апреле 1859 г. 75-летний сановник был уволен в отставку и вынужден был выехать за границу, где и умер в 1865 г.

Либерально настроенная часть московского дворянства ориентировалась на губернского предводителя П. П. Воейкова, который настоял на принятии 7 января 1858 г. адреса в поддержку намерений императора осуществить освобождение крестьян. Отправляя 11 января цитированную депешу в

24. *Ibid.*, vol. 216, fol. 8 verso-10 verso, Шаторенар – Валуевскому, 11 января 1858 г.

25. В ноябре 1857 г. аналогичный рескрипт был направлен на имя петербургского генерал-губернатора графа П. Н. Игнатьева.

Париж, маркиз Шаторенар еще не знал о «московском адресе» на высочайшее имя.

Упоминая в той же депеше о сдержанном отношении к предстоящей реформе нижегородского дворянства, Шаторенар был совершенно прав; принятие адреса нижегородскими помещиками было сделано под сильнейшим давлением военного губернатора А. Н. Муравьева.

По каким-то причинам Шаторенар в донесениях в Париж практически ничего не сообщает о деятельности Главного комитета по крестьянскому делу, образованному в феврале 1858 г. Можно предположить, что у него просто не было никакой, сколь ни будь достоверной информации на эту тему.

18 мая 1858 г. в Петербург прибыл посол Франции Наполеон-Огюст Ланн, герцог де Монтебелло, сын знаменитого маршала Ланна, ветерана наполеоновских войн. До своего назначения в Россию Монтебелло уже занимал посольские должности в Дании, Пруссии, Швейцарии и в Неаполитанском королевстве, был министром по делам флота и колоний, депутатом Законодательного собрания²⁶. Его миссия в России продлится шесть лет, и ему суждено будет стать свидетелем Великих реформ Александра II.

Император был главным мотором в подготовке реформы, побуждавшим консервативно настроенных членов Главного комитета и власти на местах к активной работе. Именно Александр заставил их отказаться от первоначального варианта освобождения крестьян без всякого земельного надела, справедливо усматривая в этом реальную угрозу внутренней безопасности империи. Здесь он нашел полное понимание и поддержку со стороны министра внутренних дел С. С. Ланского и генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева. Оба его сподвижника играли важную роль в деятельности Главного комитета, где они противостояли консерваторам – А. Ф. Орлову, В. А. Долгорукову, М. Н. Муравьеву, В. Н. Панину и др. В конечном итоге было признано необходимым освобождать крестьян, оставляя в их собственности дома, в которых они проживают, и приусадебные участки, а также предоставив возможность постепенного выкупа пахотной земли у помещика. Этим, с одной стороны, надеялись удовлетворить давние чаяния крестьян, а с другой – обеспечить материальные права землевладельцев-помещиков с целью не допустить массового разорения поместного дворянства.

В начале августа 1858 г. император решил стимулировать процесс освобождения путем предоставления всех личных и имущественных прав удельным и государственным крестьянам, которым было разрешено свободно переходить из одного сословия в другое. В посольстве Франции по

26. Его послужной список см.: ААЕ, Personnel, 1ère série, n° 2962.

достоинству оценили этот шаг. В депеше, датированной 6 августа 1858 г., герцог Монтебелло сообщал графу Валевскому:

[...] *Le Journal de St.-Petersbourg* d'aujourd'hui publie une oukase de l'Empereur Alexandre qui accorde la liberté aux paysans des apanages. Je joins ici le texte de cet important decret. [...]

La question de l'abolition du servage a donc fait un pas décisif, - констатировал посол. – La noblesse essaiera-t-elle de résister à la volonté de l'Empereur, aux aspirations des paysans? L'Empereur sera-t-il obligé, pour vaincre cette résistance, d'user de son omnipotence et de s'appuyer sur la classe inférieure qu'il veut élever? Ou, l'Empereur et la noblesse seront-ils contraints de réunir leurs efforts pour contenir la millitude lancée dans des voies nouvelles? Les événements répondront bientôt à ces questions, mais la Russie serait en dehors des conditions de l'humanité si un aussi grand mouvement social pouvait s'opérer dans son sein sans les déchirements qui ont accompagné toutes les crises semblables chez les autres nations?²⁷ [...].

Сразу же после подписания указа об освобождении удельных и государственных крестьян император отправился в поездку по ряду губерний с целью лично изучить настроения и подтолкнуть местные власти и дворянство к более активному участию в осуществлении реформы. В ходе поездки император убедился, что без его постоянного и решительного вмешательства реформа может застопориться и, в конечном счете, даже провалиться. Понял он и источник такой опасности – пассивное сопротивление значительной части дворянства ясно выраженной им воле. Особое раздражение вызвало у императора поведение московского дворянства, которое, по существу, саботировало его указания.

Поездка государя по стране и особенно его пребывание в Москве вызвали пристальный интерес в посольстве Франции, где обратили внимание даже на мелкие, но весьма характерные, детали, свидетельствующие об оппозиции московского дворянства и о проявленном в связи с этим высочайшем недовольстве²⁸.

Из донесения герцога Монтебелло в МИД Франции от 23 сентября 1858 г.:

[...] L'Empereur a quitté Moscou le 2 septembre après y avoir passé la semaine anniversaire de l'époque de Son Couronnement. On a remarqué qu'au lieu d'habiter le Kremlin, L.M. Impériales avait occupé aux portes de la ville une maison de campagne mise à leur disposition par le Comte Chéréméteff: on a vu dans ce choix un symptôme du mécontentement que caussent à l'Empereur les dispositions peu favorables de la noblesse Moscovite dans la question de l'émancipation. Celle ci ne s'est pas montrée de son côté très impessé ?

27. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 217, fol. 80 – 82, Монтебелло – Валевскому, 6 августа 1858 г.

28. Детали, сообщаемые в донесении Монтебелло, представляют дополнительный интерес в связи с тем, что приезд Александра II в Москву был приурочен ко второй годовщине его коронации в Успенском соборе. Кремля.

(неразборчиво. - П.Ч.) durant le séjour de la Cour. Elle n'a paru qu'en petit nombre au bal qu'elle offrait à L.L. Majestés et son attitude froide et réservée a formé un contraste assez tranché avec l'enthousiasme et les acclamations des marchands et des serfs.

Ce n'est pas seulement la Noblesse du Gouvernement de Moscou qui manifeste des sentimens tels que ceux dont je viens de parler ils sont généralement partagés par toute la noblesse de l'Empire, et Elle ne craint pas de les montrer toutes les fois que l'occasion lui en est donnée. [...]

Cette état de choses entretient une certaine fermentation chez les serfs; dans quelques localités des émissaires dont une partie pourrait bien être en relation avec les démocrates Russes réfugiés à l'étranger, ont cherché et cherchent encore à exciter les paysans contre leurs Seigneurs et à provoquer les désordres. Les propriétaires sont inquiets: l'avenir leur parait plein de menaces et ils ne savent comment s'y soustraire.

L'Empereur a pu juger par Lui-même de la situation. Il en été frappé, dit-on, mais il ne s'arrêtera pas pour cela dans la réalisation du projet de l'affranchissement des serfs. Il le voudrait qu'il ne pourrait plus reculer après l'exemple qu'il a donné en émancipant les paysans des apanages²⁹. [...].

О сохранявшейся между царем и консервативной частью дворянства дистанции в подходе к крестьянской реформе французское посольство сообщало и в последующих донесениях в Париж.

Les impressions que l'Empereur Alexandre a rapportées de son dernier voyage dans l'interieur de l'Empire paraissent avoir laissé dans son esprit un assez vif mécontentement de l'attitude prise par la noblesse dans la question de l'émancipation, - констатировал маркиз Шаторенар, замещавший уехавшего в отпуск Монтебелло. - Le discours tenu par Sa Majesté à la noblesse du Gouvernement de Moscou a eu un grand retentissement en Europe. [...]

Aujourd'hui que la volonté Souveraine s'est prononcée avec tant d'éclat, je ne doute pas que tout ne s'indine devant elle, surtout si, comme cela parait probable, le Gouvernement adopte l'idée d'une indemnité à accorder aux propriétaires pour la perte que leur impose l'attribution des maisons et de leur enclos aux paysans³⁰.

К концу 1858 г. либеральные сторонники реформы при активной поддержке императора получили преобладающее влияние в Главном комитете. Важную роль здесь сыграл генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, подготовивший новый вариант реформы, в котором права крестьян, получавших, помимо личной свободы, земельные наделы, уравнивались соответствующими гарантиями их бывшим хозяевам, помещным дворянам.

В марте 1859 г. высочайшим решением были учреждены Редакционные комиссии для согласования выявившихся различных подходов и подготовки окончательного варианта реформы. В состав этого нового органа были включены сановники и отдельные общественные деятели (Ю. Ф. Самарин,

29. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 217, fol. 141 recto-143 verso. Монтебелло – Валевскому, 23 сентября 1858 г.

30. Ibid., fol. 228 recto-229 verso, Шаторенар – Валевскому, 22 октября 1858 г.

А. М. Унковский и др.), а руководство Редакционными комиссиями император доверил Я. И. Ростовцеву, ближайшему своему сподвижнику в задуманных им широких реформаторских планах. Ростовцев и его единомышленник Н. А. Милютин, товарищ министра внутренних дел, энергично взялись за дело, и при поддержке царя сумели заставить консерваторов (Ф. И. Паскевича, В. В. Апраксина, Б. Д. Голицына, В. Н. Панина и др.) пойти на значительные уступки. Работа близилась к концу, когда 5 февраля 1860 г. умер ее главный организатор, Я. И. Ростовцев.

Смерть Ростовцева накануне завершения работы Редакционных комиссий с тревогой была воспринята в посольстве Франции, где не исключали, что при новом председателе реформа может быть спущена на тормозах, тем более что преемником либерала Ростовцева неожиданно стал один из его главных оппонентов справа, министр юстиции граф В. Н. Панин.

Из депеши герцога Монтебелло графу Валуевскому от 28 февраля (н.с.) 1860 г.:

[...] Le Général Rostowsoff, Président du Comité de rédaction pour l'émancipation, qui avait donné une extension très grande aux fonctions que couvrait ce titre assez modeste, vient de succomber. Sa mort semble devoir entraîner l'abandon définitif des plans qu'il avait conçus pour l'affranchissement et qui avaient rencontré chez la Noblesse une résistance qui s'est produite ouvertement dans plusieurs Gouvernements au moment de l'élection de ses députés ou maréchaux.

L'Empereur a fait choix pour remplacer le Général Rostowsoff du Comte Panin, Ministre de la Justice qui est connu par son peu d'entraînement vers les nouveautés, mais d'un esprit étendu et cultivé. Animé d'un patriotisme très sincère, mais d'un caractère peu flexible, le Comte Panin réussira peut-être à achever cette œuvre si difficile.

La noblesse a vu sa nomination avec plaisir; ses tendances connues semblent la rassurer et l'engageront peut-être à se résigner à des concessions dont la nécessité lui semblera plus indiquée par le dévouement avéré du Président du Comité à ses intérêts³¹. [...]

Одно из предположений Монтебелло – относительно того, что графу Панину, возможно, придется даже вопреки собственным убеждениям завершить дело его умершего оппонента, – в полной мере оправдалось. Французский посол сумел разгадать скрытый смысл поразившего всех выбора императора. Назначение графа Панина должно было успокоить консерваторов, видевших в министре юстиции своего лидера, не способного, по их мнению, пожертвовать насущными интересами дворянства.

Консерваторы не учли двух обстоятельств. Во-первых, работа Редакционной комиссии была практически завершена и по

31. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 220, fol. 130 recto verso-131 recto, *Монтебелло – Валуевскому, 28 февраля 1860 г.*

основополагающим вопросам уже было достигнуто согласие. Оставалось обсудить второстепенные вопросы и мелкие детали. Во-вторых, граф Панин был верным слугой своего государя и, несмотря на собственные убеждения, считал себя обязанным исполнить его волю, неоднократно, недвусмысленно и, к тому же, публично высказанную.

Так оно и случилось. При Панине Редакционная комиссия пошла лишь на незначительные уступки консерваторам: некоторое уменьшение крестьянских наделов и соответствующее увеличение повинностей.

А французские дипломаты продолжали внимательно наблюдать за деятельностью Панина и руководимой им комиссией.

Из донесения Монтебелло министру иностранных дел Франции Эдуарду Тувенелю³² от 13 марта 1860 г.:

[...] J'ajouterais aujourd'hui que ce choix a été généralement approuvé par la Noblesse dont le nouveau titulaire est l'un des représentants les plus considérables par sa naissance et sa fortune, et l'un des plus distingués par son esprit et son habitude des grandes affaires. Mr le Comte Panin est depuis plusieurs années à la tête du Ministère de la Justice; il en a été momentanément déchargé pour pouvoir se consacrer tout entier à l'importante et difficile tâche à l'accomplissement de laquelle vient de l'appeler la confiance de l'Empereur.

Mr le Comte Panin appartient au parti que l'on nomme ici le parti rétrograde. Il n'est pas cependant défavorable d'une manière absolue, comme ses adversaires cherchent à le faire croire, aux réformes si nécessaires dans ce Pays; mais il est de ceux qui auraient voulu qu'on s'engageât un peu moins à l'aventure dans cette voie toujours périlleuse et notamment qu'avant de prononcer le grand mot d'émancipation des paysans, on eût réfléchi davantage à la gravité de la mesure et avisé à la solution du problème avant de le poser devant la public. Jusqu'à présent les événements ont données raison à cette manière de voir...

Mr le Comte Panin, en acceptant ses nouvelles fonctions, s'est parfaitement rendu compte de la situation actuelle; il soit la pensée du Souverain et sa haute intelligence et son patriotisme lui fourniront les moyens de la mettre en œuvre et d'amener le résultat poursuivi depuis trois années à peu près en pure perte. [...]

Dans la première séance qu'il a présidée, Mr le Comte Panin a développé et porté sur le terrain pratique le programme éloquent de l'Empereur, en termes qui ont été très goûtés. La question de l'émancipation des paysans va donc entrer dans une phase nouvelle et décisive et marchera trop résolument au but pour ne pas parvenir à l'attendre³³.

32. Эдуард Тувенель сменил Александра Валуевского на министерском посту в начале января 1860 г. До назначения министром Тувенель несколько лет возглавлял Политический департамент МИД Франции, а затем был послом в Турции. См. ААЕ, Personnel, 1-ре série, n° 1365.

33. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 220, fol. 160 recto-63 recto, Монтебелло – Тувенелю, 13 марта 1860 г.

В октябре 1860 г. Редакционные комиссии завершили свою работу и были распущены. Подготовленный в них проект крестьянской реформы был передан на рассмотрение в Главный комитет по крестьянскому делу, председателем которого император назначил своего брата, великого князя Константина Николаевича, считавшегося покровителем либералов. В Главном комитете консерваторы предприняли очередную попытку добиться удовлетворения своих требований, но потерпели неудачу.

L'émancipation des serfs dont les projets sont depuis si longtemps à l'étude, paraît être au moment de s'accomplir, - сообщал 12 декабря в Париж герцог Монтебелло. - [...] Sa Majesté voudrait que le premier jour de l'année 1861 vit cette question tranchée, et l'on espère que son désir pourra être exécuté. [...]

Le plus grand secret environne du reste les délibérations de la commission, et je ne me hasarderai pas à me prononcer entre les systèmes discutés par le public sur celui qui pourrait prévaloir en dernier. Il est certain seulement que la liberté absolue ne sera pas accordée tout de suite au paysan, qu'il restera pendant quelques années attaché à la terre pour remplir les conditions d'un compromis entre lui et son dernier seigneur, qui le conduira par des phases successives à la pleine possession de lui-même. J'aurai soin de tenir Votre Excellence au courant de l'effet que produira la promulgation de cette mesure qui, quelle qu'elle soit, sera l'œuvre capitale du règne de l'Empereur Alexandre et fera époque dans l'histoire de la Russie³⁴.

До наступления нового года завершить подготовительную работу не удалось. Согласованный проект реформы был передан в Государственный совет лишь 28 января 1861 г. В этой высшей инстанции консерваторы составляли большинство, но при энергичной поддержке императора либеральное меньшинство сумело одержать победу.

19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего вступления на престол, Александр II подписал « Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости » и Манифест об отмене крепостного права. Однако обнародование этих важнейших документов было отложено до наступления Великого поста, т.е. до 5 марта по старому стилю.

В этот день (17 марта по н.с.) Монтебелло отправил в Париж шифротелеграмму следующего содержания: « Le manifeste de l'Empereur Alexandre annonçant l'émancipation des Serfs a été lu dans toutes les églises de Pétersbourg, au milieu du calme et du recueillement les plus complet. Une tranquillité parfaite règne dans la ville »³⁵.

На следующий день в депеше министру посол дал первую оценку исторического события, свидетелем которого ему довелось стать.

Из донесения Монтебелло министру иностранных дел Тувенелю:

[...] La veille même on ignorait que la promulgation de cette importante mesure dût être aussi prochaine. Cela pourrait expliquer jusqu'à un certain point

34. *Ibid.*, vol. 222, fol. 291-292, Монтебелло – Тувенелю, 12 декабря 1860 г.

35. *Ibid.*, vol. 223, fol. 159, Монтебелло – Тувенелю, 12 часов 25 минут, 17 марта 1861 г.

l'impassibilité surprenante avec laquelle elle a été accueilli par une population dont elle modifié si profondément les conditions d'existence, mais on ne saurait trouver le secret de cette attitude que dans les traits les plus saillants du caractère national, il est montré plus réfléchi qu'ému, plus disposé à l'examen qu'à l'enthousiasme, moins touché du mot de liberté que préoccupé du sens encore obscure qu'il renferme; en un mot, j'avais sous les yeux un peuple différent de tous les autres, inaccessible aux vives et subites impressions dont les nations de l'Occident donnent le spectacle, peuple étrange et inexplicable pour que ne verrait que la surface immobile des choses, mais dont la silence couvre des forces latentes dont le monde connaîtra un jour la singulière puissance.

L'Empereur lui-même a annoncé aux officiers de Sa Garde, réunis autour de Lui, après la parade, l'acte qui venait de s'accomplir, et leur a rappelé les devoirs qu'il imposait à tous. On lisait sur son visage que c'était un grand jour; sans doute le plus grand jour de son règne, car quelles que soient les difficultés d'application qu'il rencontrera dans son œuvre, la postérité le placera certainement au rang des Souverains qui, faisant tout pour le bien, n'en regardent la gloire que comme une seconde récompense. L'Empereur mérite de voir sa génération dévouer le jugement de l'avenir, et la Providence bénir son règne »³⁶ [...].

Эйфория, в которую впала передовая часть русского общества после обнародования манифеста 19 февраля 1861 г., захватила и французских дипломатов в Санкт-Петербурге. Правда, эта эйфория оказалась скоротечной. Уже в первых числах апреля пошли тревожные сообщения о крестьянских волнениях в ряде губерний, где вчерашние крепостные подвергли сомнению подлинность царского манифеста, предоставлявшего им свободу без земли, которая по-прежнему оставалась в помещичьей собственности.

Появившиеся неведомо откуда антиправительственные агитаторы распространяли слухи о подмене чиновниками и дворянами « подлинного » манифеста, отчуждавшего якобы все помещичьи земли в пользу крестьян. Во многих районах крестьяне отказывались подписывать так называемые уставные грамоты на землепользование, выражая тем самым недовольство условиями освобождения и требуя предъявить им « подлинный » манифест, вместо « подложного ». В отдельных случаях это недовольство переросло в бунты, сопровождавшиеся захватом помещичьих земель и скота. Правительство вынуждено было прибегнуть к мерам принуждения и подавления беспорядков с использованием армии.

После 19 февраля посольство Франции продолжало внимательно следить за тем, как развивался процесс осуществления крестьянской реформы, какие препятствия встречала она на своем пути, и какие последствия для России имело освобождение 22,5 млн. ревизских душ. Первые восторженные оценки « освобождения рабов » очень скоро сменились тревожными сообщениями.

36. *Ibid.*, fol. 161-162, Монтебелло – Тувенелю, 18 марта 1861 г.

Из депеши Монтебелло от 10 мая 1861г.:

[...] La proclamation de l'émancipation a été l'occasion de quelques désordres dans les Gouvernements de Perm, de Penza, de Saratoff, de Kazan et de Witebsk. C'est à Kazan qu'ils ont eu le plus de gravité; la troupe a dû faire feu sur une bande d'environ 7.000 individus qui l'a assaillie, et une soixante d'entre eux ont été tués. Le Général Bibikow, aide de camp de l'Empereur, a été envoyé sur les lieux avec des pouvoirs extraordinaires. La population de ce Gouvernement étant principalement composée de sectaires (raskolniki), le mouvement devait naturellement prendre un caractère de religieux qui eût pu devenir dangereux; mais ce péril a été écarté par l'arrestation d'un faux prophète qui excitait ces masses ignorantes; il a été pendu aussitôt que pris. Son système était d'annoncer que le manifeste qui avait été lu était un faux manifeste que la noblesse avait substitué à celui octroyé par l'Empereur qui n'avait entendu imposer aucune restriction à l'émancipation des paysans et leur accordait avec une entière liberté, l'entière possession de la terre³⁷. [...]

Начавшиеся крестьянские волнения французские дипломаты, по каким-то причинам, склонны были приписывать исключительно старообрядцам и другим «сектантам», но не основной массе «законопослушных» православных крестьян. Нельзя исключить того, что подобные оценки были умело подсказаны французам их петербургскими друзьями из высших чиновных сфер. Во всяком случае, и в последующих донесениях посольства относительно крестьянских волнений присутствует «сектантский» мотив.

Из донесения Монтебелло от 25 мая 1861 г.:

[...] Les désordres causés par l'émancipation, que je signalais à Votre Excellence... ne se sont pas accrues, mais cependant n'ont pas cessé et se sont produits sur quelques autres points. Le centre de l'agitation paraît être dans le Gouvernement de l'Est, entre Moscou et le Volga, la tranquillité semble au contraire complet entre Moscou et St.-Petersbourg. Le grand nombre de sectaires qui se trouve dans le Gouvernement de l'Est pourrait donner à ces désordres un caractère particulier qui ne semble pourtant s'y être mêlé jusqu'ici que d'une manière indirecte...³⁸. [...]

Наиболее серьезные «беспорядки», о которых сообщало французское посольство, как известно, имели место в Поволжье, в Пензенской и Тамбовской губерниях. Можно предположить, что упомянутое в депеше Монтебелло от 10 мая восстание раскольников в Казанской губернии, инициированное неким «лжепророком», — это хорошо известное историкам т.н. Бездненское выступление, начавшееся в конце марта в с. Бездна Спасского уезда³⁹.

37. *Ibid.*, vol. 224, fol. 34 recto verso, Монтебелло – Тувенелю, 10 мая 1861 г.

38. *Ibid.*, fol. 79, Монтебелло – Тувенелю, 25 мая 1861 г.

39. См. подробно: *Бездненское восстание 1861 г.*, Сборник документов, Казань, 1948; Г. Н. Вульфсон, *Жажда воли. (К 125-летию Бездненского восстания)*, Казань, 1986; Я. И. Линков. *Очерки истории крестьянского движения в России в 1825 – 1861 гг.*, М., 1952, с. 212-231; Е. И. Устюжанин, *Бездненское восстание 1861 г.*, Сб. «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», Выпуск 4, Казань, 1941.

Второй крупный очаг крестьянских волнений образовался в начале апреля в Пензенской и Тамбовской губерниях. Здесь, как и в Казанской губернии, крестьяне отказывались признать подлинность Манифеста, прекратили работы на бывших господ, а в ряде случаев приступили к захвату помещичьего имущества⁴⁰.

Подавление крестьянских выступлений вызвало резкое осуждение в либерально-прогрессивной части русского общества, пребывавшего поначалу в эйфории от освобождения крестьян. С этого момента либералы начали дистанцироваться от превозносимого ими доселе царя-благодетеля.

Безднское и Кандеевское восстания в наиболее яркой форме выразили общее недовольство крестьян условиями освобождения от крепостной зависимости, сформулированными в Манифесте 19 февраля. Проявления этого недовольства можно было проследить и во многих других районах Российской империи⁴¹.

Участившиеся повсеместно случаи отказа крестьян исполнять предписанные им на переходный (двухлетний) период обязательные работы на их бывших владельцев побудили Министерство внутренних дел 2 декабря 1861 г. издать по этому поводу специальный циркуляр, четко регламентировавший отношения между крестьянами и помещиками на период до конца февраля 1863 г. Однако министерский циркуляр, доведенный до сведения заинтересованных сторон, не произвел должного впечатления на крестьян. Это обстоятельство было отмечено в посольстве Франции, где в очередной раз утвердились в убеждении относительно особенностей русского национального сознания, с присущим ему устойчивым стереотипом о добром царе и злодеях-боярах (читай, чиновниках).

Из депеши 1-го секретаря посольства Франции в Петербурге Анри Фурнье министру иностранных дел Эдуарду Тувенелю:

[...] La confiance en tout ce qui vient de l'Administration est inconnue en Russie; on n'y croit absolument qu'à la parole de l'Empereur. Il faudrait que l'Empereur pût parler à tous et partout. La Circulaire Ministerielle fera donc peu d'impression; et ce terme fatal de deux ans, qui tombe en Mars 1863, continuera d'être un sujet d'appréhension, que l'on avoue ailleurs que dans le Gouvernement, et auxquelles donnent plus d'un motif les nombreux refus de travail, et une fréquente isubordination⁴². [...]

40. См. об этом: И.И. Дубасов. *Очерки из истории Тамбовского края*. 2-е изд. М., 1883; В.А. Шварев. *Кандеевское восстание*. Пенза, 1955.

41. См. по этому вопросу: П. А. Зайончковский, *Отмена крепостного права в России*, 3-е изд., М., 1968; *Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права*, ч. 1-2, М.-Л., 1949; М. Е. Найденов, *Классовая борьба в пореформенной деревне (1861 – 1863 гг.)*, М., 1955.

42. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 225, fol. 252 recto verso. Фурнье – Тувенелю, 23 декабря 1861 г. Анри Фурнье занимал должность 1-го секретаря в посольстве Франции в России с декабря 1859 г. На периоды отъезда посла (Монтебелло) в отпуск он

Судя по донесениям французского посольства, относящимся к первой половине 1862 г., у дипломатов возникли тогда серьезные опасения по поводу успешного завершения предпринятой крестьянской реформы. Эти опасения связывались не только с обозначившейся в крестьянской среде и в обществе в целом неудовлетворенностью условиями, при которых произошло освобождение крестьян, но также с явной неподготовленностью правительственного аппарата в центре и на местах к проведению реформы. Более того, французские дипломаты усомнились даже в самом инициаторе освобождения крепостных – императоре Александре II, не обладавшем, как им показалось, качествами, необходимыми подлинному реформатору, и главными из этих качеств – решительностью и последовательностью. По мнению «петербургских французов», царю явно не хватает твердости, что не позволяет ему полностью контролировать ситуацию не только в стране в целом, но даже в армии, считающейся одной из главных опор самодержавного строя.

Из донесения А. Фурнье министру иностранных дел Э. Тувенелю:

[...] La main qui gouverne est évidemment faible et hésitante; les hommes qu'elle emploie ne sont préparés à rien, manquent absolument expérience, s'étonnant des événements qui les assaillent, et ne se laissent pas profondément enseigner par eux en les regardant comme des signes sérieusement avant coureurs.

L'état actuel des choses est mauvais, dangereux... [...] On n'est pas sûr des troupes et surtout de la Garde Impériale. L'Empereur s'occupe beaucoup d'elle en ce moment, la passe (?) sans cesse en revue par régiment, aime plus que jamais à se montrer aux soldats et la leur témoigner sa confiance. Cela fait quelque chose⁴³. [...]

Когда Фурнье говорил о ненадежности императорской гвардии, он, по всей видимости, имел в виду скандал, связанный с двумя гвардейскими офицерами, флигель-адъютантами Александра II. Это были сыновья покойного генерала Я. И. Ростовцева, ближайшего сподвижника Александра II в деле освобождения крестьян – Николай и Михаил. После смерти отца они были обласканы императором, получив графские титулы и флигель-адъютантские аксельбанты.

Скандал разразился на исходе весны 1862 г., когда в Зимнем дворце обнаружили революционные прокламации, что вызвало настоящий переполох среди его обитателей. Вскоре выяснилось, что это сделал младший из братьев Ростовцевых во время своего очередного дежурства в императорской резиденции. Впоследствии стало известно, что братья

исполнял обязанности временного поверенного. На своем посту в Петербурге Фурнье пробудет до октября 1862 г., когда получит назначение посланником в Стокгольм, ААЕ, Personnel, 1-re Série, n° 1680.

43. ААЕ, Correspondance politique. Russie, vol. 227, fol. 252 recto verso, *Фурнье – Тувенелю, 13 июня 1862 г.*

Ростовцевы занимались революционной пропагандой среди солдат, которых они обучали в одной из столичных воскресных школ. Дальнейшее расследование обнаружило факты проявления неблагонадежности не только в петербургском гарнизоне, но и в других армейских частях, где были приняты надлежащие меры. В Петербурге, например, были закрыты две «неблагонадежные» воскресные школы для солдат, а также Шахматный клуб и Народная читальня, устроенные и руководимые прогрессивно настроенными офицерами.

Вот что сообщал в Париж о скандальной истории с братьями Ростовцевыми А. Фурнье:

[...] Les fils du Général Rostovtsov, qui avais mis toute l'activité de son zèle à préparer la question de l'émancipation des paysans, qui était mort avant que la mesure ait pu être prise, et dont l'Empereur avait reconnu les services en faisant sa veuve Comtesse et ses fils Comtes de l'Empire et ses Aides de Camps. Les fils de Général Rostovtsov, tous deux Colonels, ont été admis à la retraite, ou plutôt pour traduire littéralement l'ordre du jour, libérés du service.

Ces deux officiers, dont l'ainé est en ce moments en Angleterre, et en relation journalière, dit on, avec Herzen, étaient les propagateurs les plus ardents des doctrines propagées dans les Ecoles de Dimanche et le Cabinets de lecture pour le peuple.

Par une singulière coïncidence, on remarquait que le plus jeune était de service auprès de l'Empereur au Palais, dans la nuit de Pâque, et que cette même nuit le Palais avait rempli de proclamations révolutionnaires. On affirme que quelques personnes de l'entourage Impérial demandaient plus de sévérité à l'égard des Comtes Rostovtsoff, leur arrestation, une enquête minutieuse, une mis sous jugement. L'Empereur n'a pas voulu aller aussi loin; il les a éloigné de sa personne et du service.

J'ai entendu blâmé généralement ces deux coupables, non pas de leurs idées et de ce qu'ils faisaient pour les répandre, mais simplement de n'avoir pas donné d'eux mêmes leur démission, afin d'être libre de leurs opinions et de ne pas être des ingrats.

Les arrestations ont été faites dans l'armée, dans les proportions considérables et qui indiquent surabondamment la gravité du mal à St-Petersbourg, à Moscou et dans la Première armée. On a parlé d'executions, et elles sont probables, mais on cherche à couvrir de mystère et de silence la grandeur et l'étendue d'inquiétudes qui grossissent tous les jours⁴⁴. [...]

Тогда же, в июне 1862 г. Фурнье впервые говорит о некой антиправительственной партии, угрожающей государственным устоям Российской империи. «...Il y a un parti subversif, - с тревогой сообщает он министру иностранных дел, - qui ne recule devant aucun crime pour faire croire à sa puissance, à qui tous les moyens sont bons...». Эта угроза, добавляет французский дипломат, будет возрастать, «si le Gouvernement ne soit (не

44. *Ibid.*, vol. 227, fol. 240 recto verso-241 verso, Фурнье – Тувенелю, 24 июня 1862 г.

sait?) être aussi promptement prévoyant et énergique qu'il le faut, pour lui enlever sans retour toutes ses expériences »⁴⁵.

Фурнье склонен приписать действиям « подрывной партии » даже пожары, случившиеся в Петербурге в начале лета 1862 г., что можно было объяснить как обычными бытовыми причинами, так и следствием грозы, частой в это время года. Он же считает их организованными поджогами. « Les récents incendies, en révélant au Gouvernement l'existence politique d'un parti actif pour faire le mal, - пишет Фурнье в очередном донесении в Париж, - ont donnée à sa conduite une hâte qui ne lui est habituelle que quant il sent le danger, qu'il n'a pas su prévoir »⁴⁶.

Не способствовала укреплению стабильности в государстве и правая оппозиция проводимым преобразованиям. Разумеется, консервативное дворянство, внутренне не принявшее Манифест 19 февраля, не могло себе позволить открыто выступить против него, но оно не могло и отказать себе в единственно возможном для него удовольствии – дать понять императору, что дворянство недовольно затеянной им крестьянской реформой.

Как и в период подготовки реформы, тон здесь задавало московское дворянство, что проявилось при первом, после подписания февральского Манифеста, посещении Александром II первопрестольной в июне 1861 г. Демонстративное недовольство дворян Московской губернии резко контрастировало с проявлениями народного энтузиазма во время пребывания императора в Москве, что было отмечено в одном из донесений французского посольства в Париж.

Из депеши герцога де Монтебелло от 11 июня 1861 г.:

[...] L'accueil qu'a reçu l'Empereur Alexandre dans la seconde capitale de l'Empire a été fort différent de la part des deux classes si tranchées qui composent le peuple russe. Tandis que les paysans accueillaient Sa Majesté avec l'enthousiasme que leur inspire toujours la vue du Souverain, la noblesse de Moscou s'est retirée dans ses propriétés, ou, ceux de ses membres qui sont restés se sont renfermés vis-à-vis de la Cour dans une attitude de réserve et d'abstention marquée ...⁴⁷. [...]

И все же, каково бы ни было недовольство консервативно настроенной части дворянства, и сколь бы не тревожили общество отдельные выступления вчерашних крепостных крестьян, в свою очередь, не удовлетворенных условиями освобождения от крепостной зависимости, механизм крестьянской реформы, запущенный 19 февраля 1861 г. остановить уже было невозможно. Каким бы слабым и нерешительным правителем не казался многим Александр II, именно его направляющей волей и упорством реформа была реализована. Довольно скоро это поняли и в

45. *Ibid.*, fol. 180 recto verso, Фурнье – Тувенелю, 13 июня 1862 г.

46. *Ibid.*, fol. 239, Фурнье – Тувенелю, 24 июня 1862 г.

47. *Ibid.* vol. 224, fol. 124 recto verso, Монтебелло – Тувенелю, 11 июня 1861 г.

посольстве Франции в Петербурге, где пересмотрели прежний взгляд на Царя-Освободителя, а заодно и на перспективы дальнейшего развития России, которые еще годом ранее виделись в довольно мрачных тонах.

Из донесения Монтебелло в МИД Франции (9 сентября 1862 г.):

[...] Lorsque l'Empereur Alexandre a pris la résolution d'émanciper les serfs de son Empire, il ne s'est pas dissimulé qu'un changement aussi radical dans l'organisation sociale de ce grand pays, entraînerait une refonte générale du Système financier, administratif et judiciaire de la Russie. Il n'a pas reculé devant cette grande œuvre, et les réglemens relatifs à l'Emancipation des Paysans étaient à peine promulgués, qu'il a fait mettre à l'étude les principales questions qui se rattachent à cette réforme.[...]

Pendant que la grande mesure d'Emancipation porte ainsi ses fruits bienfaisants, elle marche elle même progressivement, d'une manière satisfaisante, et son succès définitif peut être regardé dès à présent comme assuré⁴⁸. [...]

Подобной оптимистичной оценки французские наблюдатели в России будут в целом придерживаться и в дальнейшем, когда вслед за освобождением крестьян Александр II приступит к реформированию армии, финансово-налоговой и судебной системы (введение суда присяжных), местного самоуправления (земства). Они будут приветствовать расширение автономия университетов (1863 г.) и ограничение всевластия цензуры (1865 г.). «Петербургские» французы поймут и глубокий замысел Великих реформ Александра II - превратить Россию в современное по тем меркам европейское государство. Реформы 1860-х годов, как полагали французские наблюдатели, способны были если и не ликвидировать, то, во всяком случае, существенно сократить дистанцию, отделявшую Россию от «цивилизованной» Европы. По мнению французских дипломатов, преобразования Александра II могли быть сравнимы с реформами Петра Великого, начавшего процесс европеизации патриархальной России. Это был второй серьезный шаг на пути европеизации огромной евроазиатской державы.

Уже через два года после освобождения крестьян, когда завершился самый трудный, переходный период в реализации реформы, французские дипломаты отметили невиданный скачок в социально-культурной жизни пореформенной русской деревни, наиболее показательным примером чего они считали стремительный рост сельских школ. По приводимым в их донесениях данным, число сельских школ в 27 губерниях России возросло с 1956 накануне 19 февраля 1861 г. до 6666 к весне 1863 г., т.е. более чем утроилось.

По случаю исполнявшейся второй годовщины издания Манифеста 19 февраля посол Франции герцог де Монтебелло в донесении новому министру иностранных дел Э. Друину де Люи⁴⁹ подвел предварительный итог

48. *Ibid.* vol. 228, fol. 246-249 verso, Монтебелло – Тувенелю, 9 сентября 1862 г.

49. Люи Эдуард де Друин (1805 - 1881 гг.) – выходец из аристократической семьи, юрист, затем кадровый дипломат, был послом в Англии, затем директором одного из департаментов

реализации крестьянской реформы, которая, по его убеждению, позволила императору Александру приступить к осуществлению других задуманных им широкомасштабных преобразований в своей империи.

Из донесения Монтебелло от 10 марта 1863 г.:

[...] Aussi, Monsieur le Ministre, on peut regarder aujourd'hui comme accomplie cette grande mesure de l'émancipation des serfs, due(?) à l'initiative et à la persévérance de l'Empereur Alexandre; elle suffirait seule à la gloire de son règne. Aujourd'hui dans toute l'étendue de l'Empire, les paysans sont libres, propriétaires et administrés par des assemblées qu'ils ont élues. Jamais entreprise aussi hardie n'avait été tentée sur une aussi grande échelle, et le succès a dépassé toutes les espérances. Les résistances locales qu'a rencontrées la volonté bienfaisante de l'Empereur, ont été bien plus rares qu'on n'aurait osé l'espérer, et partout elles ont été facilement vaincues. On avait crainte, que le 18 février de cette année, époque à laquelle les paysans attendaient ce qu'ils appellaient une seconde liberté, serait le signal de quelques troubles; Jusqu'ici aucune des nouvelles reçues de l'intérieur n'est venue justifier ces craintes, et ce résultat est d'autant plus remarquable que ces toutes secrètes n'ont du négliger aucun effort pour exploiter au profit de leurs desseins, une situation qui pouvait leur paraître renfermer des germes précieux de confusion. [...]

L'émancipation des serfs était le point de départ nécessaire d'une grande transformation de l'Empire; L'Empereur Alexandre n'a pas reculé devant cette tâche. Les principes fondamentaux d'une nouvelle organisation judiciaire ont été arrêtés, j'en ai fait connaître les bases à M. Thouvenel. L'application de ces principes se poursuit sans relâche. Un projet sur les institutions provinciales est déjà préparé, et on s'occupe en mêmes temps d'une meilleure organisation de l'administration municipale dans tout l'Empire. Les grands réformes dans le système financier de l'Empire sont à l'étude; la ferme des eau de-vies a été remplacée depuis le 1er Janvier dernier par l'accise, et les résultats qu'elle a déjà donnée font présumer une augmentation de recette, au lieu du déficit qu'on avait sagement calculé au moins pour cette année. Tel est en peu de mots, Monsieur le Ministre, le résultat des réformes entreprises par l'Empereur Alexandre, elles promettent à son immense Empire des résultats qui, bien mieux que toutes les conquêtes, augmenteront sa puissance et sa prospérité⁵⁰. [...]

* * *

Как показывает изучение сообщений посольства Франции из Петербурга о подготовке и реализации крестьянской реформы 1861 года, французские дипломаты однозначно положительно восприняли реформаторские начинания Александра II. Первое время они, вместе с просвещенной частью

МИД Франции. Сенатор и член Института. Сменил Э. Тувенеля в должности министра иностранных дел в октябре 1862 г. До этого он уже трижды занимал пост главы французской дипломатии - с декабря 1848 до начала июня 1849 г., с 9 по 24 января 1851 г. и с июля 1852 до мая 1855 г. Его четвертое «пришествие» на Кэ д' Орсе продолжалось до сентября 1866 г. См. о нем: AAE, Personnel. 1-re Série, n° 1365.

50. *Ibid.*, Correspondance politique. Russie, vol. 230, fol. 180 verso-182 recto, Монтебелло – Друину де Люи, 10 марта 1862 г.

русского общества, находились в состоянии эйфории под впечатлением от Манифеста 19 февраля. Однако вскоре, под влиянием многочисленных выступлений обманувшихся в своих ожиданиях (т.е. передачи им помещичьих земель) крестьян, первоначальный восторг сменился у французских политических наблюдателей серьезными сомнениями относительно того, что Россия благополучно выйдет из реформы. Им стало даже казаться, что Российской империи грозят губительные социальные потрясения. Успешное в целом завершение в феврале 1863 г. двухлетнего переходного периода в реализации реформы вновь придало оценкам французов утраченный, было, оптимизм. Начиная с марта 1863 г., во французском посольстве на берегах Невы возобладает мнение о том, что Россия все же сумеет благополучно пройти между Сциллой реформ и Харибдой революционного взрыва. В конечном итоге они придут к выводу, что, задуманные и осуществляемые Александром II реформы выводят Россию на новые, перспективные рубежи исторического развития, на путь дальнейшей ее европеизации.

Может возникнуть закономерный вопрос о том, каким представлялось французским дипломатам будущее России после завершения всех реформ, задуманных Александром II? Видели ли они ее полноценным, с точки зрения создаваемых политических и гражданских институтов, государством, гармонично вписавшимся в европейский контекст? Или полагали, что, как и при Петре Великом, реформы будут решать, прежде всего, задачи укрепления военно-политической мощи России путем ее модернизации?

Имеющиеся в нашем распоряжении доклады и донесения французских дипломатов за период 1856 – 1863 годы не дают однозначного ответа на этот вопрос. Думается, что в своих прогнозах дипломаты исходили из обоих вариантов и не спешили отдать предпочтение одному из них. Быть может, более определенный ответ можно найти в аналогичных документах за последующие годы. В конце концов, крестьянская реформа была лишь первым шагом на пути задуманных преобразований.

Безусловно, восстание в Польше в 1863 году и его жестокое подавление, становление земства и суда присяжных, претендовавших на независимость от государства, наконец, нарастание революционного движения в самой России и череда покушений на жизнь Александра II, предопределившие приостановку и свертывание реформ, вносили серьезные коррективы в видение российских реалий из окон французского посольства в Петербурге. Но это уже тема для другого, более широкого исследования, требующего расширения хронологических рамок, по крайней мере, до конца 60-х годов XIX века. Да и сами французские политические наблюдатели в 1861-1862 годах считали, что освобождение крестьян – лишь самое начало реформ, которые, по их

мнению, могли затянуться на долгие годы. Как справедливо заметил посол Франции в России барон де Талейран, « tout va lentement dans ce pays »⁵¹.

В чем же значение для современного историка приведенных выше свидетельств французских дипломатов о подготовке и реализации крестьянской реформы в России?

Конечно же, они не могут быть отнесены к разряду особо ценных источников, так как не содержат в себе каких-то важных и новых (неизвестных исследователям) сведений по изучаемой теме. Поле зрения французских наблюдателей ограничивалось преимущественно двумя столичными центрами (Санкт-Петербург и в меньшей степени - Москва). О том, что происходило в остальных частях огромной Российской империи, дипломаты могли судить лишь по косвенным, далеко не всегда проверенным данным. В этом смысле их видение России не было широким и тем более, панорамным. На рубеже 50-60-х годов XIX в., когда готовилась крестьянская реформа, дипломаты, например, мало интересовались настроениями либеральной интеллигенции. Внимание к ней начнет возрастать лишь с середины 60-х годов, когда в обществе развернется дискуссия о земстве, суде присяжных и университетской реформе.

Зато они очень хорошо были информированы о настроениях и тенденциях в правительственных и придворных сферах Санкт-Петербурга, и именно в этом отношении их донесения в Париж представляют очевидный интерес. Для исследователя, занимающегося данной проблематикой, свидетельства французских дипломатов могут быть полезны, прежде всего, теми оценками событий и их главных участников (император Александр II, министры, губернаторы, предводители дворянства), которые дипломаты выносили в ходе проведения крестьянской реформы. Эти оценки, наряду с материалами, публиковавшимися на страницах французской печати, в определенной степени формировали общественное мнение во Франции относительно того, что происходило в России на рубеже 50-60-х гг. XIX века.

Russkaja Akademija nauk

ptch@ints.ru

51. *Ibid.* Correspondance politique. Russie, vol. 236, fol. 24 verso, Талейран – Друину де Люи, 10 января 1866 г.